

Ищите друг друга, дарите друг
другу любовь. Для этого мы все
и живем на Белом Свете.
Не сомневайтесь!

Ольга Левина

Пролог 1

Пустое занятие — а лучше не придумать. Гулять по руслу речки. Замерзшей. Но... Осторож-НО! Ни в коем случае нельзя сойти с тропы, набитой, скорее всего, местными, знающими жителями. Шаг в сторону — и ты в воде. На улице минус пятнадцать и неприятный ветерок. Здесь же, под прикрытием невысоких, но крутых берегов, ветра нет...

«А в Воронеже распускается сирень», — сегодня утром сообщил телевизор.

Конец декабря.

Речка — естественная граница санатория. Отсюда, из-под крутого берега, его не видно и даже не слышно. Но она знает: наверху прогуливаются пары, катаются на лыжах и коньках отдыхающие, играет музыка...

Он сейчас там. Может, гуляет, может, катается или лежит у себя в комнате, смотрит телевизор.

Сирень под новый год — это ненормально даже для Воронежа. — Юг Центральной России, так ведь? — уточняет у самой себя. И с чего это она взяла, что он сейчас здесь?

Кругом насверлены лунки. Неужели тут рыба водится? Слишком узка речушка. Она поднимает со льда легкий прут, опускает в незамерзшую лунку в надежде достать до дна. Течение тут же вырывает хлыстик-мерку из руки и затягивает его под лед.

Весело! Река играет с ней!

Вот здесь берег ниже и положе. Доносится песенка «Бухгалтер, милый мой бухгалтер!..» Весело!

Вот и бухгалтеру повезло, хотя он, очевидно, милый совсем не потому, что бухгалтер... А кстати, кто он? Кем работает, где? Она не спрашивала, они никогда не говорили о его работе.

Как все-таки это мучительно — знать, что он здесь, рядом и не увидеть, не встретиться.

К сожалению, это невозможно! Но... С чего она взяла, что он сейчас здесь?..

Там, выше по течению, — сколько она прошла, сто метров, километр? — муж ожидает ее в машине. Нет, около, в машине он никогда не курит. Одну ее теперь совсем не отпускают, разве что вот так, пройтись по замерзшей речке. А вот бы она провалилась и утонула! Вот бы мужу облегчение было! — приходит в голову мысль, и она даже не пытается отмахнуться от нее.

Сирень в Воронеже... Господи! Дожить до сирени — вот пункт назначения, конечная остановка.

Дожить до сирени!

Пролог 2

Реабилитация... Реанимация... Реинкарнация... Ресторация...

Реинкарнация. Не поддается счету, не имеет математической модели, не предполагает геометрических форм... Стало быть, не существует. Вымысел. Своего рода игра. Так сказала бы дочь Ерёмкина, окончившая математическую спецшколу, или, как их теперь называют, лицей. Теперь ее учеба далеко позади. Она прагматик и беспечальница, его любимая дочь Евгения. Недавно она поведала ему, что мировая медицина причислила любовь к числу недугов и даже присвоила ей номер в реестре болезней: какой-то буквенный индекс и число, Ерёмкин мог ошибиться, но что-то похожее на 3.67.

— Расскажи мне сказку на ночь! — пропел он мультяшным голосом в ответ.

В свою очередь она назвала его недоучкой и неврастеником и пообещала узнать из того же реестра номер его психопатства, заверив, что он — обладатель нескольких номеров.

В последнее время Ерёмкин все чаще стал сомневаться в правильности своего выбора. Ведь это он настоял на математической школе, чтобы дочь любым способом отвернуть от гуманитарных наук и пристрастий.

— Хватит в семье гуманитариев! — горячился он. — Бабушка, теща, мать...

— Ты сам-то кто? — не без ехидства вставила жена.

В результате дочь оказалась в математической школе и втайне от родителей записалась в спортивную секцию, где обучают боям без правил.

Он не спросил тогда у дочери, как же быть с аутентичной любовью, так называемой чистой, но побоялся, что они начнут блуждать среди терминов.

Научные дискуссии с дочерью, как и прочие разговоры, остались далеко в прошлом, там, где они втроем именовались семьей. Нет семьи, нет никакого прошлого. Есть сегодня, и в нем дочь изредка справляется по телефону о его здоровье. Это значит, пора посылать деньги... Впрочем, и деньги его ей теперь не нужны.

Его цепочка, миновав то самое нематематическое, а стало быть, незаконное состояние, выглядела так. Ресторация, где он завершал тризну по необретенной музыке, ушедшим до времени друзьям, родне, любви (один оцифрованный недуг минусуем — так, доченька?), реанимация в неврологическом отделении, реабилитация в санатории под названием «Сосновый бор». Сейчас он как раз здесь, в этом самом санатории. Он заявил, что согласен реабилитироваться только наедине с самим собой, и ему милостиво предоставили одноместный номер. Или палату? Не стал уточнять, как это здесь называется.

Сегодня утром от телевизора Ерёмин узнал, что в Воронеже распускается сирень. Конец декабря, за окном минус пятнадцать — не так уж и много, но все-таки... А там — сирень! Он никогда не был в Воронеже, должно быть, красивый город... Как мало он стал ездить! Как жалок его оседлый быт! А вот эта фраза — из театра, со сцены! «Да-да-да! И не спорь со мной, — Ерёмин представил себя перед зеркалом, — ты бываешь театрален. Удивительно, как это ты отверг реинкарнацию? А впрочем, извини, это не ты, а дочь...»

Есть книги, телевизор, компьютер, интернет. Ерёмин сейчас не хочет ни видеть ничего, ни слышать. Знакомый невролог попытался внушить ему, что это сегодня для него самое лучшее.

— Вот и пребывай в состоянии ничегонехотения и ничегонеделания как можно дольше. Иначе мне придется на месяц-другой превратить тебя в овощ.

Лежит, упершись взглядом в потолок, вяло рисует себе картину «я-овощ». Из-за окна доносится музыка и царапающие звуки коньков. Каток прямо под его окнами.

А в Воронеже распускается сирень! А она исчезла, испарилась, как сладкий дым юности.

Сны какие-то пустые, пятиминутные, потому не запоминаются. Не видеть бы их вообще, но это от него не зависит. Ночи проходят в путанице из обрывков снов, пробуждений и трудных засыпаний. Давно уже так. Пробовал изматывать себя до полного бессилия, пил таблетки, гулял на ночь — всё бесполезно.

Санаторий тоже ничего не изменил. Впрочем, он сам отказался от процедур, от всякого медицинского вмешательства. Под

окном каток, рядышком с ним лыжная база — хватит и этого. День миновал, другой, третий, а на него словно ступор нашел: никуда из номера. В электронную книгу дочь напихала всякой дряни, но он читает всё подряд, лишь бы с дивана не слезать. Какой-то юнец вдохновенно повествует о проблемах пубертатного периода с омерзительными подробностями, с матами, выкладывая на всеобщее обозрение всю гадость, какую может вместить в себя человек. Очевидно — лирический герой и сам автор неразделимы, через страницу сообщается о безмерном таланте героя, о премиях, которые он получал за свои творения — да, юноша именуется писателем, — о встречах с литературными мэтрами, которые ничего не стоят по сравнению с ним. Примерно то же самое говорится в аннотации к роману. Наверняка автор относится к себе серьезно, может быть, даже с любовью. А он вот презирает себя, нынче за это, за чтение пакостного творения. И все равно читает. И думает, что жить можно и без любви к себе.

В просторном холле перед столовой десятка полтора бабушек сгрудились вокруг баяниста. Они вспоминают старые песни, он подыгрывает. Иногда получается хорошо, но всегда — грустно. Вспомнил дочерей своей соседки, они уже больше десяти лет живут в Америке. В один из их приездов к матери он был приглашен на ужин. Посидели, выпили, соседке захотелось песен. Он пел под гитару примерно то, что поют сейчас санаторские бабушки — «Одинокую гармонию», «Ночку луговую», а еще Визбора — «Домбайский вальс», «Солнышко лесное»...

— Да что у вас в России песни все такие грустные! — возмутились девушки. — Давайте споем «Хеппи бёз...», например.

Можно было сказать им что-нибудь про «у вас в России», про невеселую историю их бывшей родины, про то, что этот самый «бёз» и не песня вовсе... Да говорить как-то вдруг расхотелось.

— Ерёма!

Из тесного собрания бабушек выбрался баянист, кинулся к нему навстречу. Он узнал бывшего саксофониста из группы «Сибирские зори». За двадцать лет после их последней встречи маленький, юркий человечек, показалось, стал еще меньше, суше и подвижнее. Весь он будто на шарнирах, в разговоре слова насканивают друг на друга, в глазах какой-то чумовой огонь. Ерёма —

кликча, оставшаяся с детства, незатейливая, по фамилии. Ерёмин он. Родился Ерёминым и по сей день живет таковым. Саксофониста зовут Женей, фамилии он не помнит.

Женя поведал ему, что уже несколько лет работает здесь, снимает комнату в соседней деревне, а семью отправил в Москву, там у дочерей свои квартиры, у жены — своя. Ерёмин подумал, что денег для такого расселения в столице надо уйму, откуда они у провинциального музыканта? Но спрашивать не стал, только усмехнулся.

— Стало быть, вечная гастроль...

Баянист-саксофонист с удовольствием согласился, и тут в его огненном взгляде пробежала тенью такая тоска, что Ерёмин заторопился уйти.

— Пойду. Увидимся.

— Конечно.

За его столиком уже приступил к ужину сосед Василий, веселый балагур с тугим пузцом и такими же тугими розовыми щеками. Он в первый же день сообщил, что работает замом руководителя фермерского хозяйства, их тут пятеро из одной деревни. Одно из нового, что принесла нынешняя жизнь. Раньше путевки в подобные места выделяло предприятие — завод или совхоз — через профсоюз. Нынче не стало ни предприятий, ни профсоюзов, путевки оплачивает хозяин.

— Шеф звонил, — сказал он, прожевывая салат, — смотрите, говорит, чтобы путевки не сгорели.

И сыто рассмеялся. Ерёмин уже знал, что путевка соседа не сгорит, поскольку тот пользуется у отдыхающих дам повышенным спросом. Фермерские ребята — спасение для увядающих охотниц за любовью. Молодые сельские парни и мужики, стоит им подпить — а это происходит непрерывно, — не разбирают ни возраста, ни красоты.

На второй день по приезде он решил сходить на танцы, или, как здесь называют их, дискотеку. Печальное зрелище! Что-то вроде вечеринки в доме престарелых.

— А вон тот, — Василий указал на длинного парня в красной футболке, — приезжает сюда третий год подряд, договариваются с подругой и здесь встречаются.

Парень лихо отплясывал в кругу вдохновенно притопывающих бабушек, недавно певших под баян. Он был нетрезв и весел. Видимо, это состояние парень поддерживал в себе изо всех сил. Утром он шел в столовую, приплясывая и размахивая недопитой бутылкой шампанского.

— А подруга? — поинтересовался Ерёмин.

Василий повертел головой.

— Не вижу. — И вдруг заулыбался, расплылся, лицо стало похоже на солнце, нарисованное ребенком. — Всё, отбываю, за мной пришли. А ты давай тут, не теряйся.

Ерёмин напоследок обвел взглядом зал, задерживаясь на каждом лице. Были, были все-таки здесь и не совсем старые, даже близкие по возрасту Ерёмину. «Но боже мой! — подумал он. — Сколько некрасивого народа собрано в одном месте!»

Сегодня канун Нового года по старому стилю. Через несколько часов подойдет полночь, и Ерёмин откроет шампанское, которое припас накануне. По какой-то необъяснимой прихоти торговли здесь, за городской чертой, в придорожном магазинчике обнаружилось его любимое молдавское «Криковское». Несколько лет назад Молдавия перестала поставлять вино в Россию после какого-то скандала якобы по поводу качества продукта. Краем уха он слышал, что поставки недавно возобновлены. Должно быть, так и есть. Ерёмин пригласил к себе Василия, но теперь понимает, что тот вряд ли придет. «И хорошо», — думает.

Вечер тих, мороз небольшой, можно пойти погулять. Половина фонарей, освещающих терренкур, не горит, но луна такая полная и яркая, что надобности в них нет вовсе. Ерёмин делает круг, другой, затем спускается к речке в том месте, где поставлен крест перед иконой Владимирской Божьей матери, установленной возле источника. Местные жители утверждают, что вода в нем целебная, и называют его святым. Ерёмин приходил сюда несколько раз в светлое время суток и выучил наизусть молитву, начертанную под иконой. «Всемиловитая Владычице моя, Пресвятая Госпоже, Всепречистая Дево, Богородице Мария, Мати Божия, Несумненная и Единственная моя Надежда, не гнушайся мене, не остави мене, не отступи от мене, заступись, попроси, услыши; виждь Госпоже, помози, прости, прости! Пречистая! Аминь!»

Когда он прочитал молитву впервые, дух захватило от какой-то неведомой силы, исходящей от текста, от лика, от всего этого места. Силы и ласки одновременно. И вот это слово с непривычной гласной — несУмненная, в нем заключены наивное таинство и трогательная проникновенность...

За час до Старого нового года в дверь постучал Василий.

— Одолжи шампанское, у тебя же есть, а я завтра куплю и отдам. Точно такое же. Сейчас ведь поздно уже, ни купить, ни украсть.

Ерёмин не был готов к такому повороту событий.

— Новый год же, Вася, чем я его встречать буду?

— Понимаешь, в комнату к моей новенькую поселили. Молодая, лет сорок, не больше, следователем в прокуратуре работает. Не замужем, а глаза голодные-е-е... Моя: я, говорит, тебе его не отдам. А та: так мы его самого спросим... В общем, там любовь втроем намечается.

«Вот же сельский житель пошел!» — подумал Ерёмин, а вслух сказал:

— Понимаешь, Василий, для меня Старый новый год значит больше, чем настоящий, новый. Ну, традиция, что ли, у меня такая.

— Я все понимаю, но надо — вопрос жизни! Выручай!

«Ничего ты не понимаешь, животное», — подумал Ерёмин и обреченно открыл холодильник.

Приближалась полночь. Он придвинулся к самому стеклу и стал смотреть на голубые сугробы, черный извилистый провал, указывающий русло реки, засыпающий древний лес. Ворошить события прошедшего года не хотелось. Время для него разделилось на «до болезни» и «после», но большой разницы между там и здесь он не видел. Ольга... Случайная связь затянулась на годы и переросла в нечто необъяснимо бесценное. Да случайной ли была та первая их встреча? Конечно, из случая может вырасти что угодно, а может и ничего... Но это... Это перевернуло в нем все... Перевернуло, наполнило необыкновенной страстью, вознесло к облакам и оттуда, с небесной высоты, швырнуло назад, к одиночеству и безразличию. Наверно, было бы спокойней жить, вольнее дышать, если б, как в начале их знакомства

и еще довольно продолжительное время, он не считал ее своей женщиной, во всяком случае, одной из тех, кого всегда бы хотел видеть рядом. Обычно она сама приходила, предварительно позвонив по телефону. А теперь... Сколько уж времени прошло после последнего звонка? Месяцы. И тогда она уже с каждым разом выговаривала слова все труднее и труднее. Ерёмин прислушался к себе: что-то порвалось внутри, лопнула важная жила, а в голове бьется и бьется фраза из любимого Маркеса: «И даже имени твоего не останется на земле!» И год ушел. И следа не осталось, разве что...

Несумненная и единственная моя надежда!

Урок первый. Целые ноты. Считать: раз-два... (Десять лет назад)

Обычно при переезде нажитый скарб убывает. Что-то теряется, что-то ломается, выбрасывается за ветхостью и ненужностью... А тут прибыток — маленькая коричневая флейта в чехле из военной палаточной ткани. Она точно знала, что до переезда у них этой флейты не было. Спросила у мужа, затем у сына — те в недоумении пожали плечами.

Переезды для нее обычное дело, муж работает на армию. Не служит в ней, а именно работает на нее. Нынче они живут в большом военном городке, по европейским масштабам — целый город. Она могла бы получить работу здесь, медсестры всегда и всюду нужны, однако решила устроиться в городе. Каждый день сорок с лишним километров туда, столько же назад. Какая-то неведомая сила гнала ее от дома подальше.

Ночь. Не спится. И поговорить не с кем. Вот сегодня подумалось: люди в юности часто не понимают, что они принципиально не схожи с другими людьми, недооценивают последствия такой несхожести, не вникают в глубину разности характеров... Женятся, выходят замуж, не думая ни о чем таком... Иногда не выходят замуж, не женятся, но оставляют эти связи в памяти, и только с возрастом, если «не срослось» по каким-то причинам, они говорят: «Слава Богу, что судьба не свела»... Именно с возрастом

осознают ту разность характеров, о которой прежде твердили близкие люди, а они их не слушали....

Сколько таких «открытий»... А сколько дур в стране!!! И — дураков. Они, не разбираясь в характерах, бегут строить семьи, которые — заведомо известно — нельзя построить....

«О, кто-нибудь, приди, нарушь чужих сердец соединенность и разобщенность близких душ...»

А сын скоро окончит институт, и никто не знает, куда он пойдет после учебы. А муж завтра потребует отчет за потраченные деньги, надо вспомнить, на что же они потрачены?

Муж копит на машину, она — на поездку к сестре в Тверь. Или к брату в Германию? Еще не решила. Было б здорово за один отпуск побывать у обоих. Но деньги... Она ничего не сказала мужу про вторую работу, так ерунда, а не работа — дежурство в бассейне, вдруг кому-то плохо станет. Всем без исключения в бассейне хорошо, и ее обязанности сводятся к осмотру стоп у новеньких на предмет грибка. Посчитала — на дорогу до Москвы и обратно сумеет скопить, а там видно будет.

Машина у мужа есть, однако он считает, что надо поменять ее на более свежую. Зачем, они все равно почти никуда не ездят.

Соседка Ирка собрала неплохую библиотеку на помойке. В городке часто появляются новые люди, часто и уезжают отсюда. Те и другие избавляются от лишних вещей, возле каждого мусорного контейнера кучи книг. Остатки былого отношения к печатному слову как раз в том, что книги не кидают во чрево мусорки, а складывают рядом. Однажды она увидела в книжном развале у контейнера тетрадку с изображением флейты — один в один той, что у них дома. Это был самоучитель Хейне Юрисалу «24 урока на блокфлейте. Упражнения и пояснения для начинающих». Она забрала тетрадку с собой. Надо же, как причудлива жизнь! Вдруг обнаружилась неведомая никому флейта, и тут же судьба подбросила ей самоучитель игры на этой самой флейте.

Вот бы, правда, научиться играть! Подумала — и тут же, представив себя с дудочкой в руках, решила, что играть на ней — занятие скорее мужское и какое-то... стыдное, что ли. Во всяком случае, одинокое, не на людях. Увиделся сказочный Лель в пустынных зеленых просторах...

Стояла поздняя осень, но календарь не сумел договориться с погодой — даже ночи оставались теплыми, а днями всюду разгуливало нежное лето. Если б не желтые березы да почти голые тополя...

И утро после сна. И сон... Она разговаривала с НИМ, но так и не смогла увидеть его. Некто? Дух? Волшебство... А он вообще-то говорил ли? Себя вот помнит, свой ответ на несказанные слова.

— Сто лет не слышала слов о любви...

Отвыкла. Забыла. Не верится, что это — мне...

Как солдат, который долгие годы был на войне, не умею вмиг поверить, что жизнь продолжается...

А ведь внутри огнем бьется надежда и нежность — все отдать, чтобы услышать наконец эти слова...

Вот чудо-то где — превратиться в юную девочку, когда на календаре уже закат... Смешно? Глупо? Наивно?

А ну и пусть.

Соседка Ирка живет озабоченностью. Она озабочена своей увядающей внешностью, тем, что вот-вот ее все разлюбят и вдобавок она попадет с любовником. В городке все про всех знают, и прятаться трудно. А надо... Больше всего Ирка боится потерять сексуальную привлекательность. Об этом она постоянно твердит Ольге, не давая пояснений, что это такое.

— Тебе хорошо, — то и дело повторяет она, — на тебя всегда свой мужчина найдется. Вот посмотри: не толстая, не худышка, ножки ровные и полные, аппетитные такие, прям укусить хочется, не блондинка, не брюнетка, так, серединка-наполовинку. Это только болтают, что мужчинам больше всего нравятся яркие, выразительные, необычные. Чушь! Мужчины — как все прочие люди, в основном, середнячки, им такие же, средние и нравятся.

Сама Ирка была жгучей брюнеткой полутора метров от земли, в одежде отдавала предпочтение черному и красному, впивалась взглядом в каждого встречного мужчину и при этом как-то по-особому хищно раздувала ноздри. Ольге казалось, что, желая привлечь к себе внимание, соседка добивалась обратного результата. Впрочем, она никогда не говорила ей этого.

— Свой мужчина, — повторила она в задумчивости. — Как-то вот не случилось.

А Ирке она говорила:

— Мой мужчина — это сын.

На что получала отповедь на тему: давай, хорони себя до срока!

Неслучившаяся любовь к мужу заставила ее всю себя растворить в сыне. А тот между делом вырос и стал смеяться над материнскими вопросами: сыт ли, не сменить ли белье и рубашку, откуда синяки и почему так часто он приходит с запахом вина. Отцу на все это наплевать, ему безразличны учеба сына, пьянки, драки.

— Он нежный мальчик, — говорила она Ирке, — а люди вокруг всё больше грубые. Трудно ему.

Ирка сильно не вникала, однако недоверчиво качала головой: куда там, нежный! Росту под два метра, кулаки — пудовые гири, и глаза — холодные, как у насильника. Будто она их видела когда, глаза насильника. И тут же, забыв про тему разговора, всего лишь зацепившись за слово в своем озабоченном мозгу, начинает рассказывать, как однажды ее чуть не изнасиловали.

— И что же это за «чуть», которое помешало?

— Ну, я сопротивлялась, там же люди могли появиться...

— Да, жаль...

— Что жаль?

— Да это я так, о другом.

Она нашла в поселковой библиотеке музыкальный словарь и прочла, что блокфлейта — разновидность продольной флейты, духовой деревянный музыкальный инструмент из семейства свистковых духовых инструментов, таких как свирель, окарина. Отличается от других инструментов своего семейства наличием семи пальцевых отверстий на лицевой стороне и одного на тыльной — так называемого октавного клапана. Блокфлейта была популярна в Средние века в Европе, но к XVIII веку ее популярность снизилась, так как предпочтение стало отдаваться оркестровым духовым инструментам, таким как поперечная флейта, обладающая более широким диапазоном и громким звуком... Отметим, что по-итальянски название блокфлейты — «flauto dolce»

(«нежная флейта»)… Кроме того, в словаре говорилось про звукоряд, аппликатуру, диапазоны и транспонирование, о чем Ольга не имела ни малейшего представления. Наверно, подумала она, если бы родители в свое время отдали ее в музыкальную школу, все эти слова не были бы для нее гласом неизвестности.

Но родителям было не до того, вся их совместная жизнь сводилась к выяснению отношений. Поссорятся — разбегутся, а сойдутся — тут же им надо поменять место жительства. Будто это самое место виновато в их разладах. Новые поселки, города, новые школы… После восьмилетки она поступила в медицинское училище и оканчивала его уже без родителей, они в очередной раз отправились искать свое шалое счастье, оставив чадо на попечение сердобольной квартирной хозяйки.

Временами, когда дома никого не было, она доставала свою «нежную флейту», листала самоучитель и пробовала извлечь звуки. Это совсем нетрудно, только вот как придать звукам смысл… Наверное, нужно заниматься, нужно трудиться часами, каждый день. Где взять столько времени?

«Flauto dolce!» — звучала в ней чудная мелодия, когда она отвлекалась от всего, что ее окружает. Но отвлечься надолго невозможно. Сыну надо оканчивать институт, готовить дипломную работу, а он дурит, развлекается. Да еще взял моду драться. Выпьет бутылку-другую пива — и чешет кулаки о кого ни попадя. До милиции уже доходило, обещали для начала сообщить в институт и посадить на пятнадцать суток. А там, гляди, и до уголовщины недалеко. Разговаривать с ним бесполезно.

«Мама, всё под контролем, это я так, не всерьез».

В сыне сто девяносто сантиметров росту и центнер весу, шутки у него — нетрудно представить. И тем не менее, для нее он все еще маленький, мальчик из сказки, которую она придумала.

И все это уже позади…

Это было… Да, десять лет назад. Он переминался с ноги на ногу возле приемного покоя и совсем не был похож на больного. Потом выяснилось, он привез кого-то из родственников, тетку, кажется. Что ее толкнуло к нему? Этот вопрос навсегда останется без ответа.

— Вам что-то подсказать?

Коридор, в котором они стояли друг напротив друга, был слишком узким, а проходившая мимо медсестра слишком большая — не разминуться. Ей бы податься в сторону, а она придвинулась к нему. И вдруг почувствовала, будто огонь пробежал по всему телу, и следом — слабость, вата в ногах.

— Что с вами, вам плохо?

Он прикоснулся к ее плечу, и оно тоже оказалось как бы лишённым плоти, та же вата, через которую его рука горячо легла на самое сердце. Она с трудом заставила себя сделать полшага назад и улыбнуться.

— Забавно, не правда ли? Медперсоналу такие вопросы нечасто задают.

— Да я подумал...

Он пожал плечами и не стал продолжать. А ей хотелось, чтобы он говорил, чтобы у нее была причина оставаться здесь подольше, стоять рядом с ним, слышать его бархатистый голос, в котором сочетались сила, глубина и властность.

Один из уроков. Неполный первый такт... **(Десять лет назад)**

Постижение нотной грамоты в ее ситуации — абсолютно бессмысленное занятие. Ольга подержала на руке самоучитель, попробовала на вес. Еще раз перелистала его. Тоненькая тетрадка в пятьдесят страниц — всего-то! А ведь кто-то возьмет и выучится по ней играть на флейте! Да и выучился уже наверняка! Он сидит в составе большого симфонического оркестра, где-то в третьем или четвертом ряду, за скрипками, рядом с гобоем, перед ним на пюпитре ноты куда более сложные, чем в тетрадке. Ничего удивительного, на самоучителе так и помечено: «Упражнения и пояснения для начинающих». Всегда есть начало. Реже — продолжение. Никогда — конец. Мастерству, совершенству, музыке! Мимо их дома часто пробегают ребяташки с нотными папками, неподалеку Дом культуры, и в нем музыкальная школа. Школа, преподаватели, уроки. Она представила, как учитель (почему-то

это был именно учитель) прикладывает к губам деревянную флейту, показывает маленькой девочке с низко опущенной на глаза челкой, как надо прикладывать инструмент к губам, какие отверстия зажимать, как будет звучать нота «до». Опять эта девочка! Она узнала ее, девочка уже не раз приходила к ней напомнить, что это она сама в некоем далеком времени. Девочка краснеет, смущается. Ну, зачем ты выбрала этот инструмент, на нем же должен играть мужчина! У тебя не получится, ведь ты еще даже не знаешь, что этот инструмент по-итальянски называется «flauto dolce» — нежная флейта — какая музыка в названии! И он, инструмент этот, должен быть объят большими нежными мужскими руками.

Итак, неполный первый такт. Оказывается, неполный первый такт, начинающийся с безударной доли, называется затактом. О господи, еще и безударная доля! Считать: четыре, раз-два-три-четыре. «Ты что-нибудь поняла?» — спросила у себя. Увы, здесь необходим учитель. Учитель! Где ты, ах! Нет, не нужен учитель, нужна лишь та рука, его рука, то прикосновение — и флейта сама запоет, заволнуется, нежно будет ступать из затакта в такт, из такта в такт... Неполный первый такт... А если второй неполный, третий, четвертый? В музыке так не бывает? А в жизни?

Вечером муж позвал к столу, на котором лежал исписанный тетрадный лист.

— Кильдей посоветовал. — Он повернул листок, чтобы ей удобнее было читать.

— Кто? — не поняла Ольга.

— Яшка Кильдеев, татарин, у нас на генераторах сидит. Он все доходы-расходы в тетрадку заносит. Сам не ожидал, говорит, а экономия солидная получается. Учет — великое дело, еще классики марксизма-ленинизма об этом говорили.

— И что?

Она придвинула листок поближе. Жирная черта делила его пополам: доходы, расходы. Понятное дело, графа «расходы» заполнена куда как плотнее, чем другая.

— И что? — повторила вопрос Ольга. — Твой Яшка тоже на новый автомобиль копит?

— Нет, он дом строить собирается. — И тут же взорвался. — А что, новая машина не стоит того, чтобы поднатужиться немного, подкопить? Люди меняют транспорт раз в три года. И это много — три года ездить на одной!

— Да куда ты на ней ездить будешь? Сгниет в гараже. В прошлом году кое-как собрались разок всего за грибами съездить...

— А нынче поедем в Казахстан, на Бухтарминское водохранилище. Международный маршрут, между прочим.

— Тебе машина нужна, как и Яшке дом. Завтра скомандуют шмутье собирать — и в дорогу. Дом!

— Да пошла она, эта служба! Уволится к чертовой матери, хозяйством обзаведется — и все, кончилась кочевая жизнь! Дом, понимаешь, свой! И петух чтоб на заборе орал по утрам! Я вот тоже...

Тут он осекся и, накрыв пятерней листок, двинул его к себе.

— Мы вообще-то о чем говорим? Какая машина, какой дом, какие поездки!? Ты сюда посмотри, где тут дебет, где тут кредит! Накопишь, ага! А то не знаешь: сын учится, вырос вон — мужчина, надо, как на двоих взрослых. Вот закончит, пойдет работать... В общем, хватит! Ты можешь считать-подсчитывать, можешь экономить, на Бухтарму свою собираться, а лично я к брату в Германию поеду.

Сказала, тут же усомнилась — откуда деньги? — и решительно отбросила сомнения: поеду! Муж, забирая со стола листок, про бурчал себе под нос:

— С твоим здоровьем только за границу!

Наступила ночь, время сказки.

Несумненная моя (Десять лет спустя)

Вот и все. Последний день в этом райском уголке, засыпанном снегом, с невидимым, но ощутимым покрывалом из тоски и безысходности. «Ну, не для всех же!» — вспоминает он неутомимого искателя веселых приключений Василия. Тот уехал двумя днями раньше, опечаленный тем, что не сможет сыграть супруга, истосковавшегося по любимой жене.

— Ну, представляешь, обе-две в последнюю ночь, — едва не прослезился он, — да еще на дорожку...

Нынче середина календарной зимы.

Зима здесь, в лесу, среди сосен и берез, и зима в городе, в окружении каменных холодных зданий, — это совершенно разные зимы.

Он спустился вниз, к источнику, постоял перед иконой и прошептал:

— Несумненная моя!

Собирая вещи, наткнулся на берестяной кругляшок, оплетенный по краю суровой ниткой. На бересте выжжены три знака. Что они символизируют, Ерёмин так и не узнал.

— Это твой оберег, — сказала Ольга, протягивая ему кругляшок.

«Надо будет спросить», — подумал он и тут же усомнился: а увидит ли он ее впредь? И другое пришло в голову. Образовалась пустота в жизни, не стало рядом никого. Казалось бы, возьми и заполни ее, пустоту эту. И стараний никаких прикладывать не надо. Уж вон как стараются другие! Иногда он вскакивал среди ночи, услышав чье-то тяжелое дыхание за входной дверью. Чушь! Какое, к дьяволу, дыхание можно услышать из-за этих тяжелых дверей!.. Мысленно он возвращается в зал с потерявшимся в этой жизни баянистом, с другими потерявшимися. Милые вы мои, сырые, некрасивые! У каждой из вас — он не сомневается в этом — своя пустота. В жизни. В душе. За душой...

Ощущение, будто сегодня завершается жизнь, которая никак не может дать начало последующей. Старая телефонная книга. Рука не поднимается вычеркивать умерших. А начни — сплошные вычерки с редкими просветами. Неделю назад в Москве умерла одноклассница Тамара, комсорг и правдолюб. «Железный Том» прозвала ее отличница и красотка Шура Ласкина. Она и общила Ерёмину печальное известие.

— Неожиданно и очень жалко, — отозвался он на телефонный звонок. — Настоящая она была, без бантиков и блесток. И меня терпеть не могла, за пижонство наверно.

— Дурак! — со вздохом отреагировала Шура. — Она тебя любила до безумия. А железные, они такие: раз и навсегда. Не задумывался, почему она даже не попыталась ни разу замуж выйти?

— Ну, не из-за меня же...

— Дурак! — повторила бывшая отличница.

— А я думал, меня любила ты.

— И я, и Любка с Галкой, и еще полкласса. Только мы все на тебя жизнь бы свою не потратили... А вот Тамарка...

Предел, за которым следует обратный отсчет. В старости наиболее ясно вспоминаются детские годы. Одна из последних написанных Георгием Гребенщиковым книг — автобиографическая повесть «Егоркина жизнь». Детство, детство... Эти мысли пронесли в его голове, не задерживаясь, не проникая глубоко. И следом. Я не согласен существовать, изо дня в день убивая в себе остатки любви к жизни! Я не хочу не любить! Даже пусть я — человек, любить не умеющий. Может статься, любовь тем сильнее, чем больше ты способен себя обмануть или позволить себе быть обманутым. Набор лжи — это и есть счастье. Пестроту, нарядность, веселое жизнеподобие его создают мишура, макияж, бубенчики и бахрама. Один из героев любимого писателя Ерёмина Николая Шипилова говорит другому: «Правильно выкалывают на шкурах зэка: нет в жизни счастья. А ты не гонись за ним — его на всех не хватит. Есть в жизни ясная цепочка радостей — и хорошо».

Предстояло жить дальше. Больница, санаторий — это уже позади, это уже и не про него как бы. Он здоров, работы полно, ее никогда не переработать.

Дома ждал слой пыли на всей обитаемой площади и пустой холодильник. Вот и занятие. Для начала. Но пришла ночь и вместе с ней сон из серии множества донимающих его в последнее время. Он сдает экзамен, заключительный, государственный. Предметы все время разные, но суть одна: он не знает ничего, то есть представления не имеет о том, что надо рассказывать экзаменаторам. И что самое удивительное, переживает из-за этого своего незнания до обморочного состояния. И все так живо, все взаправду. В прошлый раз нужно было играть на скрипке, нынче — рассчитаться за курс обучения физике и математике. Было не раз: снилось, как убивают. И здесь так же страшно, только страх более отчетливый, живой. Ни в коем случае нельзя

провалить ставшие вдруг непомерно важными для жизни физику с математикой! И сдать экзамен нет ни малейшей возможности... Ощущение всамделишности, самый настоящий страх не отпускали его еще несколько минут после пробуждения. А потом, когда в сознание входили давным-давно ставшие ненужными физика с математикой, диплом хоровика и нынешняя его специальность, — впору бы рассмеяться, но смех не шел, вместо него появлялось странное разочарование. Будто неизвестные силы помешали сбыться чему-то яркому, значительному.

Чего не хватало ему в санатории — так это любимой «вертушки» с пластинками. Смахнул пыль с крышки проигрывателя, включил питание, вытащил наугад из кармашка специального стеллажа пластинку. Бранденбургские концерты Баха. На конверте вырезанная из журнала наклейка, которую когда-то давно, еще школьницей, прилепила дочь. «От Вивальди Бах воспринял господство трехчастного строения цикла (быстрые крайние части обрамляют медленную среднюю), рондообразную структуру частей, где основная тема (ритурнель), излагаемая оркестровым tutti, проходит в различных тональностях, чередуясь с развивающимися эпизодами, порученными солистам; наконец, сам принцип активного «концертирования» — состязания солистов и оркестра. И в то же время в каждой ноте Бранденбургских концертов ощутима могучая творческая индивидуальность ее создателя. В отличие от ярко-романтического, импровизационного характера музыки Вивальди, концертам Баха присущи строгая величавость, классическая уравновешенность, глубина и мощь интеллектуального начала при неиссякаемой мелодической щедрости...» Ерёмин помедлил немного и, поставив пластинку на место, достал «Времена года» Антонио Вивальди. Сказал себе: да, сегодня мне нужно это — романтическое, импровизационное. *Le quattro stagioni*... Поставил диск на проигрыватель, привычно провел по нему бархоткой. Шипение с легким потрескиванием после первого прикосновения иглы к черной поверхности — уже музыка, за которой угадываются взгляды оркестрантов, сосредоточенно направленные на дирижера, его застывшая в предполетном состоянии фигура... И... Никогда не узнать, почему «Времена года» у Вивальди начинаются именно с весны. Зато вполне

понятно стремление телевизионных режиссеров подложить первую часть концерта под хронику безумных политических событий, революционных перемен. Он так и видит страстно потрясающего кулаком первого президента России Ельцина на митинге возле Белого дома 22 августа 1991 года. Голос не слышен, только музыка.

Весна грядёт! И радостною песней
Полна природа. Солнце и тепло,
Журчат ручьи. И праздничные вести
Зефир разносит, точно волшебство.

Вряд ли предполагал маэстро Антонио, написавший эти строки на краешке нотной тетради, что его концерт спустя четверть тысячелетия ляжет фоном под картинку очередного русского безумия.

Ерёмин долго сидел в неподвижности, остановив взгляд на замершем черном диске и вспоминая минувшую осень, которая пренебрегла календарем (возможно, лишь для него!) и тянется по сию пору. Все было будто вчера. Информация на новостном сайте: неизвестный ранее концерт Антонио Вивальди для струнного оркестра впервые в новейшей истории прозвучит в исполнении камерного оркестра Новосибирской государственной филармонии. Далее сообщалось, что профессор Парижской консерватории Антон Мартынов, приехав в начале ноября в Венецию, пришел в гости к пожилой семейной паре. Супруги регулярно ходят на концерты Мартынова, он знаком с ними уже восемь лет. У них в доме хранились манускрипты сочинений Вивальди, которые они решили показать музыканту. На всех партитурах стоял характерный знак, которым Вивальди обозначал свои рукописи, поэтому сомнений в авторстве не было. Среди манускриптов был концерт для солирующей скрипки с оркестром. Отдельные фрагменты партитуры профессору Мартынову пришлось восстанавливать, поскольку бумага была повреждена. Выносить манускрипт из дома итальянцы не позволили, поэтому Мартынов скопировал ноты. Обнаруженный две недели назад концерт Вивальди впервые

прозвучит 23 и 24 ноября в Новосибирске в исполнении Камерного оркестра новосибирской филармонии.

Что больше взволновало его в тот момент — новое музыкальное открытие или вдруг возникшее имя Антона Мартынова? Скорее всего, и то и другое вместе. Да еще и Новосибирск, который всего в двухстах с небольшим километрах от его города... Дело в том, что они с Антоном Мартыновым учились в Гнесинке в одно время, только на разных специальностях. Антон уже тогда, в студенчестве, был классным скрипачом и говорил, что пришел в музыку благодаря Вивальди. Они и познакомились на концерте итальянского квартета, исполнявшего творения их знаменитого соотечественника. После окончания Гнесинки Антон уехал за границу, объездил весь мир, женился на принцессе, наследнице королевского рода черногорской монархии. На справочных сайтах интернета о нем написано: «Антон Мартынов — скрипач, альтист, органист, клавесинист, пианист, дирижер, композитор, педагог. Его сочинения с успехом исполнялись в Милане, Гренобле, Париже, Москве...»

Оставалось меньше суток до концерта. Он начал лихорадочно собираться, звонить по поводу назначенных встреч, неотложных дел. Из головы не выходила мысль: а вдруг приедет Антон и сам будет играть ведущую скрипичную партию! Хотя это маловероятно, но кто знает? Он не стал брать билет на автобус, решив, что на частнике доберется быстрее и до самого театра. Времени было слишком мало. И... не попал на концерт. Жуткий гололед, авария, возвращение на «скорой помощи», больница, откуда он сбежал, едва дождавшись утра. Слава Богу, вроде все цело.

С обеда он занял столик в ресторане и начал пить. Тупо, безответственно, безрадостно. Тяжелые мысли крутились вокруг всяческих неудач и незадач в его жизни. Друзья-предатели, друзья-покойники, бывшая работа, бывший хор, бывшая жена, бывшие, бывшие, бывшие... Скорую вызвал сам, а кому еще? Сказали, что успели вовремя, застигнутый в первые часы инсульт еще как-то можно лечить.

— Травмы головы были? — один из первых вопросов в больнице.

— Несколько часов назад ударился об дорогу.

— И по этому поводу взялись пить, да?

— Конечно. Исключительно в лечебных целях.

Спустя три недели его прямо из больницы переправили в санаторий. В этот самый, откуда он только что вернулся.

— Повезло, — сказал на прощание доктор. — Попали под федеральную программу, не каждому достается три недели кайфа за государев счет!

«Не каждому достается», — всю дорогу до санатория повторял он фразу, думая совсем о другом. О чем? Да будто и не вставал из-за того ресторанного столика. Будто прямо там ударился головой и только что пришел в сознание, оказавшись наедине с прежними мыслями.

Продолжение в следующем номере.